

«Обманки» Татьяны Назаренко

Моск. новости. — 1996. — 21-28 янв. — с. 31

Уже который Татьянин день дарит нам свои выставки-«действия» Татьяна Назаренко, одна из самых интересных Татьян нашего искусства. Вот и опять: 25 января в выставочном зале на Крымском валу ждет нас удивительное «шоу», названное художницей «Переход».

На первый взгляд, это незамысловатый аттракцион, известный в России еще с XVIII века. Натуралистически раскрашенные плоские фигуры в человеческий рост ставились когда-то в дворцовых парках, использовались в театральном оформлении. В годы перестройки такие «обманки» возродились в качестве реквизита уличных фотографов: каждый мог сняться в обнимку с фанерным Горбачевым...

Мария ЧЕГОДАЕВА

(Окончание на стр. 36)

Татьяна
НАЗАРЕНКО:

«Я всю жизнь повторяю замечательные слова Федора Тютчева: «Мысль изреченная есть ложь». Когда начинаешь что-то объяснять в своих картинах, получается неправда. Если я скажу, что мой «Переход» — рассказ о том, что я думаю о нашей действительности, это тоже будет не совсем правдой. Мне было интересно попробовать такой изобразительный ход... да и вообще — работы художника надо ВИДЕТЬ».

«Обманки»

Татьяны Назаренко

(Окончание. Начало на стр. 31)

Герои художницы — люди из подземного перехода.

Нищие, продавцы газет, музыканты, старухи, собирающие на храм, просто прохожие... Фотографически-иллюзорные, они кажутся до жути реальными. Оказавшись среди них в оформленном «под переход» выставочном зале, мы, вероятно, не сразу отличим «обманки» от живых гостей, приглашенных в Татьянин день на очередное театрализованное «шоу». Татьяна — мастер на подобные режиссерские затеи. Только не очень-то весел этот фанерный театр и совсем не так прост. В нем все «обманка», все иллюзорно и призрачно — как на фотографии в каталоге, где сама Назаренко предстает как бы одной из своих фанерных героинь.

Ключ к «обманке» — первый зал выставки: там намерена художница выставить некоторые свои картины и перед ними — «вырезки» из них. Вот ее известные «Витрины», а вот две тетки, персонажи этих картин, словно бы спрыгнувшие с холста на пол. И люди из «Перехода» — конечно же! — герои картин Назаренко, только несуществующих, еще не написанных. Мы узнаем их — это ее типы, ее лица, чуть гротескные со своими удлиненными носами. Их натуральная раскраска — ее живописный колорит. Плоские, как бумажные солдатики, они самоопределились, вырвались из рам, из плоскости картины, из раз и навсегда заданной композиции, встали на землю. Они еще неподвижны, но уже не статичны: их можно перемещать, они могут образовывать новые группы, входить в непредвиденные контакты друг с другом и с нами, зрителями, затягивать нас в свой колдовской круг. Они как бы на полдороге из мира искусства в наш человеческий мир.

А может быть, все наоборот? Это мы — на полпути из реального мира в мир обманок? Это мы, пока еще живые, объемные, движущиеся, только шаг — и застынем такими же плоскими фанерными подобиями людей, как эта грузная стриженная нищенка с двумя детьми: «Люди добрые, помогите! Мы остались без жилья»; как эти торговцы всем на свете, кавказцы, вьетнамцы, деловитые бабки и мрачноватые мужики в кожаных куртках? Кажется, еще минуту назад все они были «во плоти», действовали, жили... Какое наваждение заставило их застыть в неподвижных позах, расплющило, раскатало в фанеру? Каким должен стать их следующий шаг? Назад в холст, на стену, в вечную картинную неподвижность?

А может быть, и впрямь, что бы ни говорило «новое» концептуальное искусство, «жилье» живописных персонажей — все-таки картина? Может быть, Татьяне Назаренко стоит подумать о своей «Гернике» — фресках, панно, фризах такого звучания (ей это под силу), чтобы остались они вечным свидетельством нашего времени, нашего мучительно-трудного «перехода»?

Не к вам ли, Татьяна, обращают свой горестный призыв ваши, выгнанные вами на панель живописные герои: «Люди добрые, помогите! Мы остались без жилья»?

Мария ЧЕГОДАЕВА